

ИСЛАМСКАЯ «ДИФФУЗИЯ» В СТРАНАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: ПЛОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Ю. Н. Гладкий¹
И. Ю. Гладкий¹
К. Ю. Эйдемиллер²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Поступила в редакцию 19.04.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-3

© Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю.,
Эйдемиллер К. Ю., 2017

Рассматривается Западная Европа как ведущий центр притяжения иммигрантов в последние десятилетия, особенно в связи с «арабской весной». В качестве показательных регионов избраны страны Балтийского региона. Они по-разному «разбавлены» мусульманскими иммигрантами, но практически в каждой из них мусульманские диаспоры являются самыми многочисленными и быстрорастущими. Мусульманским общинам в странах региона, безусловно, присущи некоторые общие черты, но характерны и существенные различия, обусловленные, в частности, политикой правительств в отношении интеграции мигрантов. Цель статьи — выявление специфики процесса мусульманской миграции в страны Балтийского региона, особенно ввиду событий, именуемых «арабской весной», и их последствий. Анализируется хронология мусульманской иммиграции в страны Балтийского региона. Отмечается, что при всех сложностях более успешно интеграция мусульманских иммигрантов происходит, например, в Германии и Финляндии, в то время как в Швеции и Дании она явно «буксует». В странах региона, как и во всей Западной Европе, пока не сформированы концептуальные основы миграционной и интеграционной политики в отношении мусульманских иммигрантов. Авторы излагают возможные сценарии интеграции мусульманского населения: «имитационный», «конфронтационный», «сингапурский» и «палестинский». В качестве наиболее реального для стран Балтийского региона указывается «палестинский сценарий» — в связи с наблюдающимся сознательным отказом от адаптации и интеграции мигрантов в принимающий их социум.

Ключевые слова: мультикультурализм, иммиграция, мусульманская община, страны Балтийского региона, адаптация мигрантов, сценарии интеграции

Искушение мультикультурализмом. Как бы теоретически ни толковался мультикультурализм, его глубинная сущность — *единство при разнообразии* — практически никем не оспаривается. Не отвергается и большинство его универсальных детерминантов, официально признаваемых странами, решившими взять на «вооружение» идеи культурного плюрализма и подтверждающими право за нацией быть «культурной мозаикой», а не «плавильным котлом». Эти детерминанты: социальная справедливость, культурная демократия, равенство расовое, этническое, религиозное, классовое, гендерное и т. д.

Даже страны постсоветской Балтии, политики которых сначала отказывались признавать мультикультурализм, перед подписанием договора о вступлении в ЕС (1998) в конце концов вынуждены были «капитулировать» и продекларировали мультикультурный характер своих обществ и намерение интегрировать «неэстонцев», «нелатышей» и «нелитовцев». Впрочем, эти декларации вовсе не помешали их властям всеми способами отстаивать этнический, а не гражданский принцип строительства национальных государств, взяв за основу национальной политики ассимиляционную модель мультикультурализма. В этой связи правильнее говорить о провале в этих странах не мультикультурализма, а антидемократической ассимиляционной политики.

Эволюция современных дискуссий о судьбе мультикультурализма одно время, казалось, вплотную приблизилась к подведению некой знаковой черты, особенно после известных «демаршей» руководителей ведущих западноевропейских государств (А. Меркель, Д. Кэмерона, Н. Саркози), сравнивших идеологию мультикультурализма, по сути, с путем, ведущим к разрушению государств и развалу Европейского сообщества. Критики подобной идеологии, опирающиеся на рост националистических настроений у коренного населения европейских стран (прежде всего, Голландии, Франции, Германии), и сегодня не перестают ссылаться на «угрозы» национальной гармонии и единству, опасность уничтожения самоидентификации европейских народов, их национальных культур, традиций, верований, национальных языков и, наконец, национальной истории. Можно привести немало направлений общественной мысли (либеральный национализм, феминизм, космополитизм и др.), представители которых (Б. Берри, С. Окин и др.) не только отмечают крайнюю противоречивость дискурса мультикультурализма, но и педалируют его неустранимые недостатки [10; 23].

Но признать крах идей мультикультурализма, объявить, что он «мертв», — значит отправить на «свалку истории» классические философские концепции мультикультурализма и толерантности, начиная с теории основоположника этих идей Ч. Тейлора [28] и кончая взглядами авторитетных современников — М. Уолцера, разрабатывающего проблемы коммунитаризма, толерантности и культурного плюрализма [7], А. Янга, предложившего концепцию «политики разнообразия» [31], Ч. Кукатаса и Б. Парекха, пропагандирующих концепции соответственно «либерально-эгалитаристского» и либертарианского мультикультурализма [17; 24], У. Кимлика — автора теории американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства [18; 19] и др.

Сделать это, разумеется, нелегко еще и по той причине, что культурные различия в большинстве регионов мира обнаруживают тенденции к росту, а вовсе не исчезают и не сглаживаются. В результате фундаментальная мультикультурная проблема — «как объединить правовую концепцию справедливости и приоритет прав человека, на которых строится гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств» [2, с. 254] — остается на повестке дня вне зависимости от того, какой она носит характер: теоретический, эмпирический или практический.

Искушение мультикультурализмом по-прежнему остается «головной болью» как для многих западноевропейских правительств, так и для сторонников идей мультикультурализма и толерантности.

Хронология мусульманской иммиграции в страны Балтийского региона. Обилие вышедших на Западе работ, посвященных анализу эволюции этноконфессиональной структуры стран региона и ее влиянию на процесс трансформации социокультурного и политического пространства Северной Европы (в частности, фундаментальные труды Й. Нильсена [21; 22]), к сожалению, не восполняет недостаток официальных статистических данных. Это замечание относится, прежде всего, к событиям и процессам, порожденным «арабской весной», заметно отразившимся на мусульманской иммиграции в страны региона. Вместе с тем, исследования зарубежных коллег дают возможность воссоздать хронологию процесса мусульманской миграции в Западную Европу и, в частности, государства Балтийского региона.

В упрощенном виде он может быть представлен всего двумя этапами: *послевоенным* — с 1950-х до середины 1970-х годов, связанным с массовой трудовой миграцией; и *современным* — с середины 1970-х годов по настоящее время, обусловленным широкомасштабной государственной политикой привлечения иностранной рабочей силы в западноевропейские страны. Более же детальный исторический анализ мусульманской миграции позволяет выделить большее число этапов.

Начало *первого этапа* мусульманской иммиграции в страны Балтийского региона условно можно датировать чуть ли не «седой древностью» — XIV веком, когда на польско-литовских землях поселились приглашенные золотоордынцы, а также XVIII веком, когда прусский король Фридрих II сформировал воинское мусульманское подразделение, состоящее преимущественно из боснийцев, албанцев и татар. Разумеется, в данных случаях речь шла, скорее, о символических миграционных потоках, не приведших к этносоциальной «турбулентности».

Второй этап мусульманской миграционной волны ассоциируется с послевоенной Европой XX века до 1975 года. Эти временные рамки обусловлены тем, что именно с начала 60-х годов XX века фиксируется массовый приезд на заработки мигрантов в страны Западной Европы, наибольшая часть которых проживала на традиционно мусульманских территориях бывшей Югославии, Турции и Пакистана. Кстати, уже к середине 70-х годов все страны Западной Европы на парламентском уровне приняли ограничительные меры по регуляции данного процесса.

Третий этап ограничен рамками 1975—1995 годов — временем действия национальных законодательств — вплоть до 1 января 1995 года, когда, помимо Дании (член ЕС с 1 января 1973 года), два ключевых государства Балтийского региона — Финляндия и Швеция — вошли в состав ЕС. Именно в этот временной отрезок мусульманская миграция приобретает как в Европе, так и во всем мире четкий «военный» характер. После практически пятидесятилетнего затишья, со времен Второй мировой войны, центральные части географического центра исламского мира захлестывает «прилив насилия».

Четвертый этап миграционных потоков в страны Балтийского региона приходится на период с 1995 года вплоть до 2015-го, ассоциирующегося с европейским миграционным кризисом. Состав и характер мусульманской миграции в регион Северной Европы он существенно не изменил, изменились лишь правила приема мигрантов, определяемые как нормами ЕС, так и национальным законодательством. С начала 2011 года, после череды событий, именуемых «арабской весной» и их последствий в виде европейского миграционного кризиса 2015 года, государства ЕС столкнулись с фактически неконтролируемыми волнами исламской миграции (проявлявшимися и в прежние годы) с территориями Северной и Восточной Африки, а также из стран Юго-Западной Азии.

Наконец, *пятый этап* мусульманской миграционной волны в государства Балтийского региона приходится на период с 2015 года (и связанного с ним европейского миграционного кризиса) и продолжается по настоящее время. Несмотря на свою географическую удаленность от «горячих точек», эти страны не только не смогли не разделить бремени последствий гражданских войн в Афганистане, Сирии, Ираке, Сомали, Йемене и в других регионах мира, но и стали желанной целью для беженцев и потенциальной возможностью обосноваться в них на постоянное место жительства. Некоторые авторы полагают, что самая тревожная ситуация складывается сегодня именно в государствах Северной Европы.

Из-за используемых нелегальных каналов и способов точные масштабы нынешней мусульманской иммиграции в страны региона установить трудно. Поэтому степень доверия даже к официальной статистике, фиксирующей данного вида иммиграцию, в некоторых странах не может быть высокой.

Мусульмане в странах региона: факты и статистика. Величественные мечети — шедевры мусульманской храмовой культуры для пятничных (соборных) богослужений — появились почти в каждой из европейских столиц, проекты их строительства в настоящее время обсуждаются в Таллинне, Риге и Рейкьявике — в странах, где мусульманское население исчисляется считанными процентами, их десятymi и сотыми. В странах Балтийского региона население многих столиц от 5 до 25 % составляют мусульмане. Имеется некая общая проблема исламской «диффузии», однако в каждой стране она обретает свою уникальность и специфику.

Общей для всех государств Балтийского региона является тенденция отхода местного населения от лютеранской конгрегации. Если проследить эту динамику с 1990 года и до сего дня, то факты и цифры будут говорить сами за себя: так, в Церкви Швеции доля прихожан в 1990 году составляла 89% от всего населения Швеции, а в 2016-м упала до 63,2%; в Церкви Датского Народа за тот же временной период доля прихожан снизилась с 89,3 до 76,9%; к Церкви Норвегии в 2001 году причисляли себя 86,6% от общего числа всего населения Норвегии, а уже в 2016-м таких было только 72,6%. Самое серьезное падение зафиксировала Церковь Исландии — 88,6% прихожан в 2000 году против 71,5% в 2016-м [12; 13—15]. Нетрудно заметить, что в случае сохранения данной динамики в будущем, а именно: убывания христианского населения во всех странах Северной Европы по 1% в год, можно прогнозировать, что уже к 2025 году христиане будут составлять лишь 50—60% от общего населения стран Северной Европы, а в государствах Западной Европы мусульмане составят половину верующего населения.

Своеобразным оплотом ислама в балтийских странах сегодня можно считать *Германию*, если иметь в виду общую численность мусульманского населения: по состоянию на 2015 год его численность составляла, по экспертным оценкам, 4,4—4,7 млн человек, то есть 5,4—5,7% от всего населения страны (рис. 1, 2), которое на 1 января 2016 года составляло 82,2 млн человек [12].

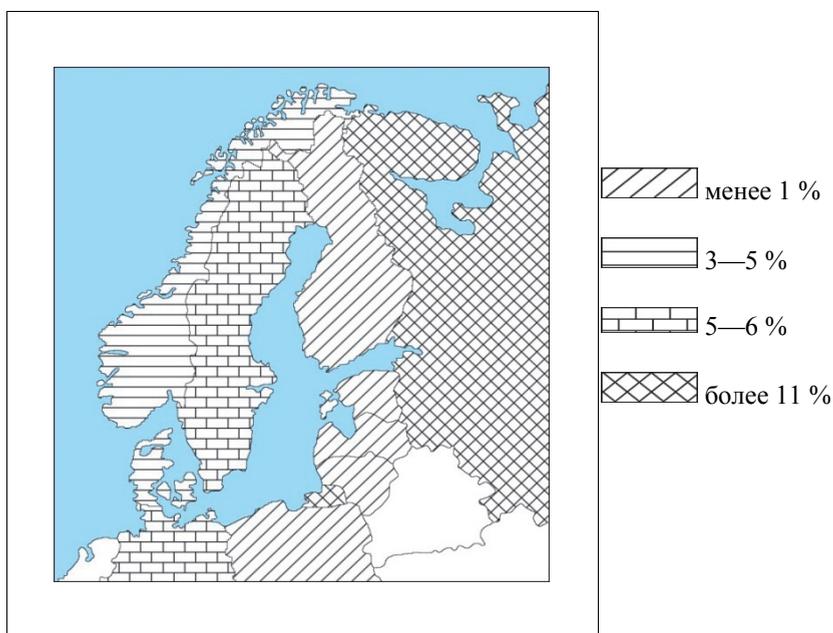

Рис. 1. Доля мусульман в населении Балтийских стран (включая Норвегию) в 2015 году, %

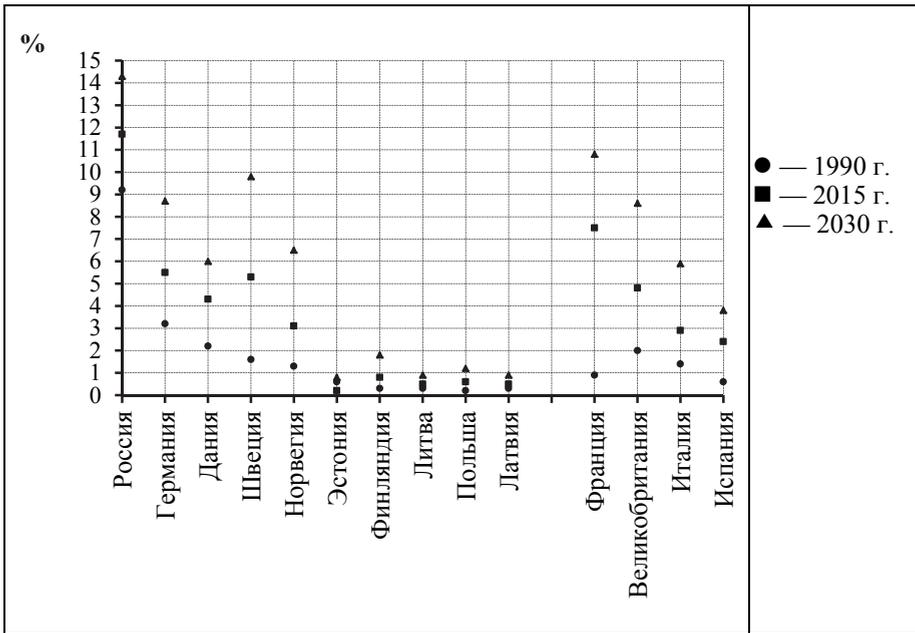

Рис. 2. Увеличение доли мусульманского населения в странах Балтийского региона и других ведущих странах Европы

Составлено по [1] и скорректировано авторами с учетом последствий «арабской весны».

Несмотря на то что одна из первых мечетей в Германии — Вюнсдорф — была построена в лагере для военнопленных мусульман Халбмондлагер («Лагерь полумесяца») в 1915 году (позднее, в 1925 году, снесена), первые мусульмане как страта немецкого общества появились двумя веками раньше. В 1745 году король Пруссии Фридрих II создал в прусской армии мусульманское подразделение, состоящее преимущественно из боснийцев, албанцев и татар, в 1760 году был создан корпус, насчитывавший около 1000 боснийцев. Первые иностранные рабочие, большинство из которых прибыли в Германию из сельских районов Юго-Восточной Анатолии, именно как часть немецкого общества появились в ФРГ сразу же после оформленного раздела Германии и закрытия Восточного Берлина бетонной стеной в 1961 году.

С тех самых пор их число, как и число мусульман, в Германии неуклонно растет. Раздел Германии на ФРГ и ГДР до сих пор можно увидеть не только на экономической, но и этноконфессиональной карте. Так, три четверти мусульманского населения проживает на территориях бывшей ФРГ. Этому есть несколько причин. Главная из них — в бывшей ГДР до 1990 года отсутствовала какая-либо массовая трудовая миграция из стран, находящихся за пределами соцлагеря. Второстепенная заключается в том, что, как показывают опросы, менталитет «восточных немцев», выдержанный советским режимом, до сих пор крайне негативно относится к эмигрантам из мусульманских стран, однако при этом «оси» намного терпимее относятся к мусульманам,

нежели их западные соседи — «веси» (в федеральных землях бывшей ГДР, а также в Рейнланд-Пфальце, Шлезвиг-Гольштейне и Гамбурге в школах учителям разрешено носить платки).

Мусульманская община Германии неоднородна, однако подавляющее большинство (около 63 %) имеют *турецкое* происхождение. И в отличие от большинства других европейских стран значительные мусульманские общины присутствуют в некоторых сельских регионах Германии, особенно в Баден-Вюртемберге, Гессене, Баварии и Северной Рейн-Вестфалии [29; 32; 33].

Мусульманская умма на территории *Швеции* появилась в 70-е годы прошлого века с иммигрантами из Ирана и Ирака и впоследствии пополнилась выходцами из югославской Боснии и Герцеговины, Сомали, Марокко и некоторых других стран Ближнего Востока. Лишь за период с 2011 по 2014 год мусульманское население Швеции увеличилось на 2% и по состоянию на 2015 год составляло не менее 7,5% от всего населения страны. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что мусульманское население Швеции становится после христианской (католической, протестантской или православной) второй по численности общиной в Европе и наиболее динамично растущей религиозной группой на всем европейском континенте, а ислам, соответственно, — второй по числу верующих религией в Швеции. В стране функционирует Шведская исламская академия, созданы партии исламской ориентации, собственный журнал и т. д. Косвенным подтверждением роста мусульманских общин является наличие в стране 50 мусульманских кладбищ.

Абсолютное большинство шведских мусульман (75%) проживает в крупных городах: Стокгольме, Упсале и Гетеборге. Эресуннский мост, соединяющий столицу Дании Копенгаген и шведский город Мальме, создает территорию почти «сплошного» мусульманского расселения.

Первая волна исламской иммиграции в *Данию* связана с завозом в 60-е годы XX века дешевой рабочей силы из Северной Африки, Турции и Пакистана, когда в стране обрели кров до 10 тыс. мусульманских семей. В 80-е годы вследствие событий на Ближнем Востоке в Дании осели беженцы из Ирака и Ирана, Ливана, а также палестинцы. Позже хлынули беженцы из Сомали, затем из бывшей Югославии и т. д.

Согласно официальной статистике Дании, в 2015 году в стране было выдано почти 85 тыс. видов на жительство. Для сравнения: на 1 апреля 2016 года все население Дании составляло 5 717 014 человек, из которого иммигранты — 501 057 человек, в том числе 290 333 человек неевропейского происхождения [14]. По мусульманскому населению в Дании цифры серьезно разнятся. Датские власти не регистрируют религиозную принадлежность людей, кроме членов Национальной Церкви (Церкви Датского Народа), а местные исследователи учитывают только членов зарегистрированных общин. Однако даже те цифры, что приводят авторитетные местные исследователи заставляют задуматься. Социолог из Университета Копенгагена Брайан А. Якобсен приводит следующую статистику на 2016 год. На 1 января 2016 года 70,9% мусульман в Дании — граждане Дании (в основном в результате натурализации), этот показатель понизился в сравнении с 1 января 2015 года —

73,7%. На 1 января 2016 года все мусульманское население в Дании им оценивается в 284 тыс. человек (приблизительно 5%), для сравнения: с 1 января 2015 года показатель был ниже более чем на 20 тыс. человек — 263 800 (4,7% от всего населения Дании). При этом половина всего мусульманского населения Дании проживает в столичном регионе [16].

Появление первой мусульманской общины в *Финляндии* обязано ее вхождению в состав Российской империи, откуда в Великое княжество Финляндское переселялись татары-купцы со своими семьями, а также служивое дворянство. Считается, что «финские татары» органично интегрировались в финское общество и представляют собой уникальный пример «удачной» политики мультикультурализма, по крайней мере, в Северной Европе.

Прежде чем стать второй по численности религиозной конфессией в стране, мусульманская умма пополнилась многочисленными мигрантами из Ирака, Сомали, Косово, Афганистана, России, Албании, Нигерии, Сирии, Марокко, Алжира. На рубеже последних столетий количество мусульман в стране превысило 70 тыс. человек (альтернативные источники сообщают цифру в 150—170 тыс.), в результате чего православные христиане уступили мусульманам вторую позицию в национальном рейтинге.

Как и в других странах региона, мусульманские общины концентрируются, главным образом в крупных городских поселениях, прежде всего в Хельсинки (рис. 3, 4). Именно здесь (в 40 км от столицы) находится отдельно стоящая мечеть, построенная татарами в 1944 году и долгое время являвшаяся самой северной мечетью в мире. В литературе иногда указываются 10 действующих мечетей в Хельсинки, но это не отдельно стоящие здания с минаретами, а достаточно просторные модельные залы, чаще всего арендованные.

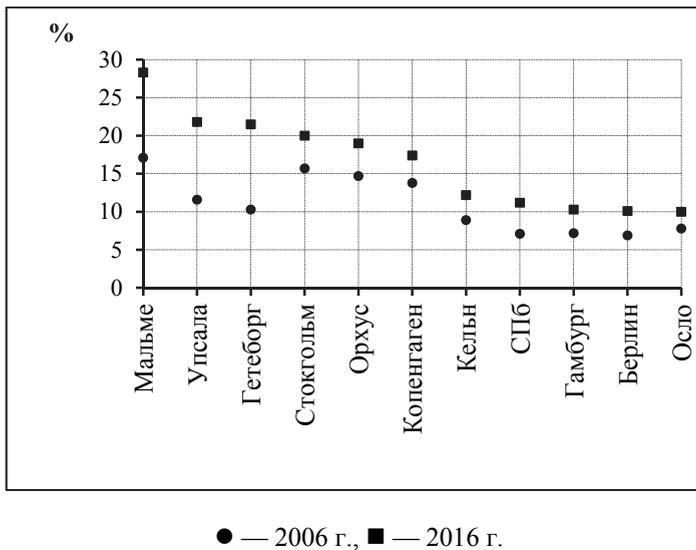
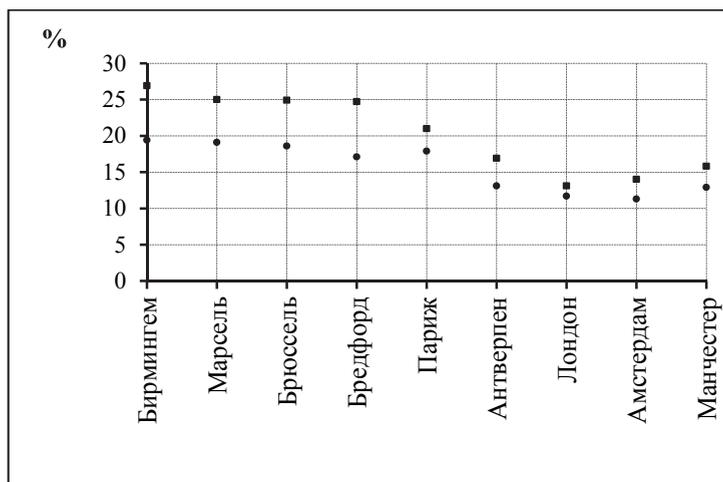

Рис. 3. Изменение доли мусульман в крупных отдельных городах Балтийского региона

● — 2006 г., ■ — 2016 г.

Рис. 4. Изменение доли мусульман в городах Западной Европы

Как известно, **Норвегия** официально не относится к странам Балтийского региона, однако эта приполярная скандинавская страна множеством социокультурных и логистических «нитей» тесно связана со своими балтийскими соседями. Неслучайно в 1992 году она была включена в состав Совета государств Балтийского моря.

Мусульманское население Норвегии, как и во всех странах Северной Европы, является самым многочисленным из всех конфессиональных меньшинств, проживающих на территории страны. Еще в 2007 году государственным бюро статистики этой страны было зарегистрировано 79,1 тыс. членов самых разнородных мусульманских общин (что, кстати, было на 10% больше, чем в предыдущем 2006 году), к 2010 году это цифра возросла до 99 тыс. человек. По состоянию на 2015 год в стране проживало 141 тыс. официально зарегистрированных мусульман, реальное же количество, по оценкам независимых и альтернативных источников, больше в 2—2,5 раза. В целом мусульмане составляют около 7% от всего населения Норвегии, хотя степень их концентрации по фюльке (губерниям) и коммунам очень различается: каждый десятый житель Осло — мусульманин, в то время как во втором по численности городе Норвегии — Акерсхусе — только 1 из 55.

Несмотря на свою социальную привлекательность, Норвегия так и не смогла стать «землей обетованной» для мигрантов, в том числе в силу своих климатических и других природных реалий. Имеются свидетельства того, что семьи, бежавшие от войн на Ближнем Востоке, готовы обратно вернуться в палатку в лагерь для беженцев на границе с Ливаном, поскольку их дети не могут адаптироваться к полярным дням и ночам, а нехватка витамина D отражается на их костной системе, со-

здает предпосылки к отставанию в развитии. Та же проблема актуальна и для всех остальных приполярных стран, куда так стремятся беженцы Финляндии и Швеции.

Пока слабо вовлечена в процесс «глобального контрнаступления» ислама *Польша*. Ее население — ультраконсервативное моноэтническое католическое общество, не готовое к размытию собственной национальной идентичности, как это, например, уже произошло во Франции и происходит в настоящее время в соседней с Польшей Германии. Польский этнос как «христианская среда» после фактического провала теории европейского мультикультурализма и кризиса адапционных моделей, основанных на ней, не готова представлять свой социум для очередного эксперимента над собой [25]. Все это, справедливости ради, нисколько не отражается на тех мусульманах, которые смогли адаптироваться в столь агрессивной для них «ортодоксальной» католической среде. Мусульмане, ставшие полноценными гражданами Польши, не чувствуют на себе «положительную» или отрицательную дискриминацию. И не важно — польско-литовские это татары, полностью интегрированные в общество, сохраняющие при этом свою самобытность и ислам как ее неотъемлемую часть, или 20 лет тому назад приехавшие сомалийцы.

Судя по косвенным данным, в стране насчитывается около 4 тыс. *татар-мусульман*, традиционно проживающих в трех татарских поселениях: Бохоники, Крушиняны и Сокулка, а также в городах Гданьск, Белосток, Гожув-Великопольски и др. [25]. Их родословная относится к XIV столетию, когда на польско-литовские земли были приглашены татары-золотоордынцы, известные как искусные воины и торговцы. Общее же количество мусульман в этой стране оценивается примерно в 30—35 тыс. человек, включая не только выходцев из африканских стран «социалистической ориентации», эмигрантов из бывших Югославии и СССР, чеченскую общину, но и около 7 тыс. этнических поляков, принявших ислам [3]. Последняя цифра, базирующаяся на данных Польской исламской ассоциации, нуждается в серьезной верификации.

Мусульманские уммы стран постсоветской Балтии — *Литвы, Латвии и Эстонии* — крайне малочисленны, хотя так было не всегда, особенно на литовской земле. Так, первые последователи ислама (войско в 40 тыс. человек под предводительством сына хана Золотой Орды Тохтамыша — Джелал ад-Дина) прибыли на территорию Великого княжества Литовского еще в XIV веке по приглашению великого князя Витовта для помощи ему в Грюнвальдской битве. После разгрома Ордена и утраты им боеспособности в ходе Великой войны (1409—1411) часть татар из войска осталась на территории княжества и благополучно ассимилировалась среди местного населения. Князь Витовт образовал из татарских поселков оборонительный пояс вдоль жмудской границы и в укрепленных окрестностях замков в Литве — около Троков, Вильно, Ковно, Лиды, Крево, Новогрудка, Гродно.

Однако в 1941 году, во время оккупации Прибалтики нацистами и превращения ее в рейхскомиссариат Остланд, местные коллаборационисты после отхода советских войск принялись зачищать территорию от евреев, цыган и мусульман. В Польшу бежали почти все представители мусульманской общины, часть тех, кто этого не сделал вовремя, позднее были убиты или казнены, точное их количество неизвестно. После этих событий Литва не сумела восстановить свое мусульманское население, а в настоящее время оно и вовсе покидает пределы страны, но уже по социально-экономическим причинам. По очень приблизительным подсчетам, в Литве осталось около 10 тыс. мусульман. У них есть свои мечети, магазины, школы культурные центры, но жизнь мусульманской уммы Литвы постепенно затухает.

История мусульманских общин Латвии и Эстонии со времен Второй мировой войны почти совпадает с литовской, за исключением ряда нюансов. На территории Латвии сегодня проживает от 10 до 12 тыс. мусульман (менее 1% от общего населения страны) [12]. А вот мусульманская община Эстонии сумела восстановиться и с годами только наращивает свой потенциал. Точное количество мусульман, проживающих в Эстонии, разнится в десятки раз: от 1,5 тыс. официально зарегистрированных, до 30 тыс. в совокупности. С уверенностью можно говорить, что сегодня в Эстонии мусульман проживает больше, чем в Латвии и Литве, вместе взятых, и одновременно с этим мусульманская община Эстонии приближается к численности уммы Польши. При этом мусульманская община Эстонии крайне неоднородна. Верховный муфтий Эстонии Ильдар Мухамедшин — татарин, а абсолютное большинство общины — это азербайджанцы, турки, представители Средней Азии и совсем уж экзотических стран Африки и Азии.

Отношения между мусульманами и властями в странах Прибалтики непростые, что проявляется в вопросах как бытовой дискриминации, так и политики (таких как, например, строительство мечетей в Риге и Таллине и др.). Проект ЕС по размещению беженцев и вынужденных переселенцев из мусульманских стран здесь фактически провалился. Так, считанные семьи, которые решились на переезд в Литву, столкнулись на месте с практически тотальной нищетой и агрессивным отношением к себе, многие, получив первые пособия, поспешили покинуть пределы страны.

Для *России*, с ее колоссальной территорией, омываемой множеством морей, статус «балтийская страна» имеет узкоспециальный смысл. С Балтийским регионом корректнее ассоциировать Калининградскую и Ленинградскую области, Санкт-Петербург и некоторые другие субъекты Северо-Запада РФ. Численность мусульман Северной столицы некоторые эксперты оценивают сегодня уже в 12—13% от общего населения мегалополиса.

Традиции секуляризованного советского общества и сегодня отражаются на дискуссии о численности мусульман в России. Общее количество правоверных в стране сегодня чаще всего оценивается примерной цифрой в 15—20 млн человек, то есть около 13% населения РФ.

Многие мусульмане — сезонные рабочие, не имеют регистрации и нигде не состоят на учете. Мультикультурная Россия (с доминантой православия) с 2005 года является наблюдателем в Организации исламского сотрудничества — международном объединении 57 стран. Имея своих представителей в ООН и ЕС, эта организация стремится стать единым голосом мусульман в мире.

Европеизация мигрантов или исламизация европейцев? Модели включения иммигрантов в национальные социумы заметно различаются по странам в зависимости от используемых методов социальной адаптации иммигрантов [4; 7—9; 11; 26; 27; 30 и др.]. Отдельные авторы считают, что, например, Франция практикует так называемую *ассимиляционную* модель, Германия — модель *сегрегации*, Великобритания — *плюралистическую* модель и т. д. [29]. Родившееся на территории Франции лицо автоматически, по *праву почвы*, становится ее гражданином. В основе французской модели лежит установка на постепенное усвоение мигрантами ценностей и стереотипов поведения, принятых на новой родине и, как следствие этого, предполагает отказ граждан от своей прежней идентичности. Предполагается, что именно в этом случае переселенцы могут считаться полноправными членами общества [5].

Суть «сегрегационного» характера немецкой модели (здесь в основу гражданства положен принцип *права крови*) состоит в том, что лицу, родившемуся в иммигрантской семье на территории Германии, стать ее гражданином весьма затруднительно (именно это обстоятельство способствует формированию обособленных иммигрантских общин). Содержание так называемой плюралистической модели Великобритании первоначально ассоциировалось с принятием Британского национального акта, согласно которому устанавливалось единое гражданство для метрополии и ее колоний (прежде всего, Индии, Пакистана и Бангладеш), а позже (с 1985 года) было закреплено пропагандой тезиса о «многокультурном укладе» британского общества. По традиции иммигрантские общины здесь пользуются широкими правами. Но в последние годы и Великобритания ограничивает приток иностранной рабочей силы исключительно высококвалифицированными кадрами (чему способствует введение специальной шкалы баллов для желающих иммигрировать в страну иностранных граждан в зависимости от их образования, квалификации, заработка и т. д.).

Иммиграционные законодательства рыночно развитых стран Балтийского региона в той или иной мере отражают упомянутые модели натурализации иммигрантов. В скандинавских странах, проводящих политику ограничения миграционных потоков, получить гражданство по линии профессиональной иммиграции сегодня практически невозможно. Исключением являются лица, обладающие дефицитной профессией, а также солидным капиталом, способным пополнить социальные и пенсионные фонды. В менее развитых балтийских странах Восточной Европы стимулируется лишь бизнес-иммиграция, с установлением

конкретных требований к уставному капиталу при регистрации собственной фирмы. Политика нынешнего квотирования при распределении Брюсселем беженцев из объятых военными действиями Ближнего Востока все чаще входит в противоречие с иммиграционным законодательством большинства стран ЕС.

Однако суть противоречий еще глубже. Как известно, интеграционные и иммиграционные стратегии, помимо директоратов Европейской комиссии, разрабатываются также министрами по интеграции. Согласно обновленной версии утвержденного ими официального акта «Общие базовые принципы интеграции», акцент делается не столько на приспособление иммигрантов к нормам и негласным правилам данного общества, сколько на *двусторонний процесс обоюдной адаптации граждан*. Дословно иммиграция трактуется как «динамический двухсторонний процесс», предполагающий «взаимное приспособление между всеми иммигрантами и жителями государств» [1, с. 160]. Именно данный тезис, весьма критично воспринимаемый рядом государств из-за спорности «пределов обоюдной трансформации», сегодня бесконечно рецитируется европейскими политиками и представителями экспертного сообщества.

В целом ситуация с иммигрантами мусульманского происхождения остается узлом пока не разрешимых противоречий. Какой бы иммиграционной модели ни следовали страны, их потомки в разных поколениях остаются жить в своем кругу, сохраняют исламскую идентичность, культурные традиции, семейные связи, образуя при этом параллельные общества в виде устойчивых общин иммигрантов на этнической основе. На фоне депопуляционных процессов внутри автохтонного населения количественное разрастание мусульманских диаспор позволяет отдельным авторам говорить о «глобальном контрнаступлении» ислама, все чаще связывая его с демографическим, цивилизационным и политическим прессингом и рассматривая его как угрозу социальной стабильности и национальной идентичности западноевропейских стран.

В большинстве государств Балтийского региона четко фиксируется демографическая тенденция, связанная с «замещающим» ростом мусульманского населения, сопровождающаяся в лучшем случае демографической стагнацией титульного этноса, в худшем — его депопуляцией. Так, по уровню рождаемости «исламизированная» Швеция обогнала Финляндию, в которой в отдельные годы фиксируется превышение смертности над рождаемостью. Конечно, более позитивные социально-экономические сдвиги в Швеции в большей мере способствуют оздоровлению демографической обстановки, но роль растущего количества многодетных семей мусульманских иммигрантов в этом процессе несомненна.

Психологический стресс местного населения, обусловленный перспективой «угасания» титульного этноса, трудно «совмещается» с идеями мультикультурализма и толерантности, пропагандируемыми их адептами [7; 17—19; 28]. Рост радикализации общества в балтийских странах (как, впрочем, и во всей Западной Европе) как реакция населе-

ния на укрепление мусульманской уммы грозит со временем вылиться межконфессиональный конфликт, который, по мнению авторов, в состоянии подвергнуть трансформации даже административно-территориальную карту государств.

Сторонники антиисламского движения в Германии *Pegida* (нем. *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes* — патриотические европейцы против исламизации Запада) под влиянием праворадикальных и особенно популистских сил, ловко используя протестную реакцию немецких граждан на увеличение потока мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока, все чаще выводят местных жителей на многотысячные митинги под лозунгами «За сохранение нашей культуры», «Против религиозного фанатизма», «Против религиозных войн на немецкой земле» и др. [33].

Даже в такой стране, как Финляндия, где практика социальной адаптации иммигрантов (поддержание многих исламских традиций: открытие магазинов с продуктами стандарта «халаль», установление для мусульманок отдельных часов в бассейнах, предоставление врачей-женщин в родильных отделениях, издание исламской литературы и т. д.) нередко ставится «в пример» другим странам, в последние годы ширится кампания против излишней открытости Суоми для мигрантов-мусульман. Так, в 2015 году в стране состоялось несколько митингов под многозначительными лозунгами: «Ислам уничтожит нас» и «Закрывать границы».

Авторы, разделяющие идеи культурного плюрализма, «либерально-эгалитаристского и либертарианского мультикультурализма» [7; 17; 24; 31] иногда склоны преувеличивать возможности интеграции мусульманских иммигрантов в таких странах, как Швеция или Дания, как одних из самых гуманных по отношению к иноэтничному населению. Увы, эти страны не стали исключением из списка государств, где возрастают предубеждения к исламской религии и мусульманам (согласно социологическим опросам, лишь 2—3% респондентов в скандинавских странах положительно относятся к исламу, а более 60% — крайне негативно). И в одной, и в другой стране созданы политические блоки и партии, использующие антииммигрантские лозунги, смысл которых сводится к тому, что мигранты из стран Ближнего Востока не только являются тяжелым бременем для налогоплательщиков, но и представляют реальную угрозу национальным культурам.

Одним из наиболее распространенных заголовков-клише в средствах массовой информации стало выражение *Европеизация мигрантов или исламизация европейцев?*

О возможных сценариях интеграции мусульманского населения. По мнению авторов, существует несколько предсказуемых сценариев, связанных с интеграцией (реинтеграцией?) мусульманского населения Западной Европы, и, в частности, стран Балтийского моря. В культурно-историческом ландшафте, а также психоментальной структуре населения стран Балтийского региона эти сценарии в своем «чистом виде» рабочими не являются. Их можно применить, скорее, в

качестве примеров и «шаблонов», которые, обладая своей собственной особой региональной идентичностью, при их наложении, все равно приведут, на наш взгляд, к антагонизму и конфронтации сторон.

Имитационный сценарий — наиболее востребованная на сегодняшний день модель политики интеграции во всех пяти крупнейших европейских экономиках ЕС: Германии, Великобритании, Франции, Италии и Испании. Эту модель можно охарактеризовать, прежде всего, той ситуацией, которая сложилась с вопросом интеграции и адаптации мигрантов в вышеуказанных государствах, когда огромные средства, направленные на разного рода программы по ассимиляции (прежде всего культурной) мигрантов, не оправдываются результатами в силу формализованности подхода, а также коррупционной составляющей самих моделей. Основная его цель, вместо комплексного решения проблем и задач по адаптации и интеграции мигрантов, — купирование материальными средствами возникающих из-за реализации этого сценария издержек.

Конфронтационный сценарий. Этой модели в скрытой форме уже придерживается ряд стран Северной Европы — Нидерланды и Дания. Если в Латвии и Эстонии в адрес русскоязычного населения, действует открытая политика апартида и апартеида, то в Нидерландах по отношению к мусульманам она проходит завуалированно. По этой причине на протяжении последних 10 лет Нидерланды продолжают нести серьезные имиджевые издержки внутри ЕС, а Дания — внушительные, экономические, ибо среди мусульман всего мира есть негласный бойкот на товары из вышеуказанных стран. Наблюдается также воздержание от опосредованных услуг фирм и компаний, связанных, пусть и косвенно, с этими государствами. Основная цель конфронтационного сценария — вместо комплексного решения проблем и задач по адаптации и интеграции мигрантов — их физическое выдавливание (преимущественно мусульманского населения) с территорий государства путем создания невыносимых, а порой и просто невозможных условий для жизни.

Сингапурский сценарий считается одной из наиболее «прогрессивных» моделей адаптации и интеграции мигрантов в мире для развитых стран. Система была создана от безысходности и соткана на основе внутренних противоречий Сингапура, поэтому есть серьезные основания сомневаться в ее универсальности и долговечности. В Сингапуре преимущественно распространено сегрегированное расселение этноконфессиональных групп, за этим ведется строгий контроль со стороны государства. К примеру, в одном квартале не должны жить более 25% малайцев или 13% индийцев. Но в этой модели есть и свои положительные стороны, одна из которых — как только в квартале количество мусульман подходит к 20—25%, мечеть в этом квартале строится за счет государства и передается в собственность общины. Помимо этого, государство признает некоторые нормативно-правовые акты, среди которых — акты гражданского состояния, шариатские суды в вопросах наследования и т. д. Также Конституция Сингапура (ст. 152) запрещает миссионерскую деятельность среди религиозных меньшинств. Этот

сценарий противоречит основополагающим принципам декларируемых в Европе ценностей — прежде всего, личной свободы выбора, свободы передвижения и выбора места жительства, а также неприкосновенности частной жизни.

Палестинский сценарий представляется авторам наиболее реальным для стран Балтийского региона в связи с наблюдающимся сознательным отказом мигрантов от адаптации и интеграции в принимающий их социум. По сути, этот вариант — геттоизация территорий, в основном крупных городов или даже целых городских агломераций со значительным мусульманским населением по примеру *сектора Газа*. Возможен также вариант создания более пространственных резерваций наподобие Западного берега реки Иордан. Кстати, в непростых условиях чеченской войны и даже после создания Чеченской республики Ичкерия РФ отказалась от реализации «Палестинского сценария». После нормализации обстановки, Россию направила все свои усилия в пользу максимально возможной интеграции Чечни и ее народа в РФ.

Если в странах региона получится выработать какой-то собственный вариант, найти уникальный интеграционно-адаптационный путь развития мусульманского населения в своих государствах, это положительно скажется на всех участниках данного процесса.

Список литературы

1. *Бородай С.* Ислам в современной Европе: демография, интеграция, перспективы // Ислам в современном мире. 2013. № 1—2. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic> (дата обращения: 15.03.2017).
2. *Волкова Т. П.* Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14, № 2. С. 254—259.
3. *Емельянов И. В.* Ислам в Польше. Полумесяц под крылом белого орла // Медина аль-ислам. 2008. № 76. URL: <http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/4188/> (дата обращения: 15.03.2017).
4. *Рязанцев С. В.* Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы. М., 2001.
5. *Тандонне М.* Иммиграционная политика Франции и проблема нелегальной миграции // Иммиграционная политика западных стран: Альтернативы для России. М., 2002. С. 204—212.
6. *Сапего Г.* Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50—58.
7. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
8. *Четверикова О.* Ислам в современной Европе // Россия в 21 веке. М., 2005. С. 53—77.
9. *Atkinson R., Davoudi S.* The Concept of Social Exclusion in the European Union: Concept, Development and Possibilities // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38, № 3. P. 427—448.
10. *Barry B.* Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, 2001. P. 36.
11. *Brown A.* Do we need mass immigration? L., 2002. P. 153.
12. *Census 2011.* Population by religious community indicated, municipalities // Official Statistics Portal (OSP). URL: <http://osp.stat.gov.lt/en/2011-m.-surasymas> (дата обращения: 11.04.2017).

13. *Culture shock hits refugees in Karasjok*. URL: <http://www.newsinenglish.no/2017/02/09/culture-shock-hits-refugees-in-karasjok> (дата обращения: 11.04.2017).
14. *Danmarks Statistic. Stigning i arbejdsstyrken*. URL: <http://www.dst.dk/da/Statistik/NytHtml?cid=20613> (дата обращения: 11.04.2017).
15. *Handbook on Integration for policy — makers and practitioners*. European Commission, 2010.
16. *Jacobsen B. A. Hvor mange muslimer bor der i Danmark?* URL: <https://www.religion.dk/religionsanalysen/hvor-mange-indvandrere-lever-i-danmark/april2016> (дата обращения: 01.04.2017).
17. *Kukathas Ch. The Liberal Archipelago: a theory of diversity and Liberal vision* // Oxford Scholarship Online. 2003. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/019925754X.001.0001/acprof-9780199257546> (дата обращения: 11.04.2017).
18. *Kymlicka W. Finding Our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*. Toronto ; Oxford ; N. Y., 1998.
19. *Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford, 1995.
20. *Leiken S. Bearers of Global Jihad? Immigration and National Security after 9/11*. Washington, 2004. P. 44—48.
21. *Nielsen S. J. Islam in Denmark: The Challenge of Diversity*. Lanham MD, 2012.
22. *Nielsen S. J. Muslim Political Participation in Europe*. Edinburgh, 2013.
23. *Okin S. Multiculturalism Bad for Women?* Princeton, 1999.
24. *Parekh B. C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. Cambridge, Mass., 2002.
25. *Poland «changing for the worse» for Muslims and refugees* // EUobserver. URL: <https://euobserver.com/beyond-brussels/134447> (дата обращения: 15.03.2017).
26. *Rasmussen H. K. No entry: Immigration policy in Europe*. Copenhagen, 1997.
27. *Roy O. Globalized Islam: The search for a new Ummah*. N. Y., 2004.
28. *Taylor Ch. Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*. Princeton, 1992.
29. *Tibi B. Islamische Zuwanderung. Die gescheiterte Integration*. Stuttgart ; München, 2002. S. 102—143.
30. *Vitorino A. Towards a Common Migration Policy for the European Union: Opening Speech for the Conference on «Migrations: Scenarios for the 21st Century»* Deliveiy. Rome, 2000.
31. *Young I. Justice and the Politics of Difference*. Princeton, 1990.
32. *Wagner S., Powell J. Ethnisch-kulturelle Ungleichheit im deutschen Bildungssystem Zur Überrepräsentanz von Migrantenjugendlichen an Sonderschulen*. Heidelberg, 2003. P. 183—208.
33. *Wie viele Muslime leben in Deutschland?* URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/WorkingPapers/wp71-zahl-muslime-deutschland.pdf?_blob=publicationFile (дата обращения: 12.03.2017).

Об авторах

Гладкий Юрий Никифорович, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: Gladky43@rambler.ru

Гладкий Игорь Юрьевич, доктор географических наук, доцент кафедры физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: Gladky68@gambler.ru

Эйдемиллер Константин Юрьевич, кандидат географических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

E-mail: keidemiller@gmail.com

Для цитирования:

Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю., Эйдемиллер К. Ю. Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 43—62. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-3.

ISLAMIC DIFFUSION IN THE BALTICS:
THE FRUIT OF EUROPEAN MULTICULTURALISM

Yu. N. Gladkiy¹

I. Yu. Gladkiy¹

K. Yu. Eidemiller²

¹ *A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
48 Moiki nab., Saint Petersburg, 191186, Russia*

² *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29 Polytechnicheskaya ul., Saint Petersburg, 195251, Russia*

Submitted on April 19, 2017

This article considers Western Europe as a principal centre that has been attracting migrants over recent decades, primarily, in the aftermath of the Arab Spring. The Baltic region states are chosen for demonstration. Although they have different proportions of Muslim immigrants, Muslim diasporas are the most numerous and rapidly growing ones in the Baltics. Undoubtedly, Muslim communities across the region enjoy certain similarities. The differences they have are explained, among other factors, by national policies towards migrant integration. This article aims to identify the features of Muslim migration to the Baltic States in the aftermath of the Arab Spring. The authors analyse the timeline of Muslim immigration to the Baltic region. It is stressed that, despite current difficulties, Germany and Finland are more successful in integrating immigrants than, for instance, Sweden and Denmark. Just like other Western European countries, the Baltic States have not developed a conceptual framework for their migration and integration policies towards Muslim immigrants. The authors describe possible Muslim integration scenarios — the Singaporean and Palestinian ones, simulation, and confrontation. Given their apparent conscientious refusal to adapt and integrate migrants, the Baltic States are most likely to face the Palestinian scenario.

Key words: multiculturalism, immigration, Muslim community, Baltic region states, adaptation of migrants, integration scenarios

References

1. Boroday, S. 2013, Islam in modern Europe: demography, integration, prospects, *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world], no. 1—2 (29—30), available atL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic> (accessed: 15.03.2017). (in Russ.)
2. Volkova, T.P. 2011, Classic philosophical concepts of multiculturalism and tolerance, *Bulletin of the MGTU*, Vol. 14, no. 2, p. 254—259. (in Russ.)
3. Emelyanov, I.V. 2008, Islam in Poland. The Crescent moon under the wing of a white eagle, *Medina al-Islam*, no. 76. (in Russ.)
4. Ryazantsev, S.V. 2001, *Opyt i problemy regulirovaniya migratsionnykh potokov v stranakh Zapadnoi Evropy* [Experience and problems of migration management in the countries of Western Europe], Moscow, 71 p. (in Russ.)
5. Tantone, M. 2002, Immigration policies of France and the issue of illegal immigration, *Immigratsionnaya politika zapadnykh stran: Al'ternativy dlya Rossii* [Immigration policies of Western countries: Alternatives for Russia], Moscow, p. 204—212. (in Russ.)
6. Sapega, G. 2006, Immigrants in Western Europe, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otosheniya* [World economy and international relations], no. 9, p. 50—58. (in Russ.)
7. Walzer M. 1997, *On Toleration*, New Haven.
8. Chetverikova, O. 2005, Islam in modern Europe, *Rossiya v 21 veke* [Russia in the 21st century], February 2005, Moscow, p. 53—77.
9. Atkinson, R., Davoudi, S. 2000, The Concept of Social Exclusion in the European Union: Concept, Development and Possibilities, *Journal of Common Market Studies*, Vol. 38, no. 3, p.427—448. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00229>.
10. Barry B. 2001, *Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism*, Cambridge, p. 36.
11. Brown, A. 2003, Do we need mass immigration? *Lancing*, no. 6, 150p.
12. Population by religious community indicated, municipalities, 2011, *Official Statistics Portal (OSP)*, available at: <http://osp.stat.gov.lt/en/2011-m.-surasymas> (accessed 11.4.2017).
13. Berglund, N. 2017, Culture shock hits refugees in Karasjok, *Newsinenglish.no*, available at: <http://www.newsinenglish.no/2017/02/09/culture-shock-hits-refugees-in-karasjok> (accessed 11.4.2017).
14. *Danmarks Statistic*, 2015, available at: <http://www.dst.dk/da/Statistik/Nyt/Html?cid=20613> (accessed 11.04.2017).
15. *Handbook on Integration for policy — makers and practitioners*, 2010, Third edition. European Comission, 174 pp.
16. Jacobsen, B.A. 2016, Hvor mange muslimer bor der i Danmark? *Kristeligt Dagblad*, available at: <https://www.religion.dk/religionsanalysen/hvor-mange-indvandrere-lever-i-danmark> (accessed 01.04.2017).
17. Kukathas, Ch. 2003, *The Liberal Archipelago: a theory of diversity and Liberal vision*, Oxford Scholarship Online, available at: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/019925754X.001.0001/acprof-9780199257546> (accessed 11.04.2017). DOI: 10.1093/019925754X.001.0001
18. Kymlicka W. 1998, *Finding Our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*, Toronto, Oxford, N.Y., p. 102.
19. Kymlicka, W. 1995, *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford, 296 p.
20. Leiken, S. 2004, *Bearers of Global Jihad? Immigration and National Security after 9/11*, Washington, p. 44—48.

21. Nielsen, S.J. 2012, *Islam in Denmark: The Challenge of Diversity*, ed., Lanham MD, Lexington, 262 p.
22. Nielsen, S.J. 2013, *Muslim Political Participation in Europe*, Edinburgh, 360 p. DOI: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748646944.001.0001>.
23. Okin, S. 1999, *Multiculturalism Bad for Women?* Princeton, Princeton University Press, 146 p.
24. Parekh, B.C. 2002, *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*, Cambridge, Mass, 400 p.
25. Bienvenu, H. 2016, Poland «changing for the worse» for Muslims and refugees, *EUobserver*, available at: <https://euobserver.com/beyond-brussels/134447> (accessed 15.03.2017).
26. Rasmussen, H.K. 1997, *No entry: Immigration policy in Europe*. Copenhagen, 206 p.
27. Roy, O. 2004, *Globalized Islam: The search for a new Ummah*, N. Y., 304 p.
28. Taylor, Ch. 1992, *Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*, Princeton, 262 p.
29. Tibi, B. 2002, *Islamische Zuwanderung. Die gescheiterte Integration*, Stuttgart, München, p. 102—143.
30. *Towards a Common Migration Policy for the European Union*, 2000, Opening Speech by Commissioner Antonio Vitorino for the Conference on «Migrations: Scenarios for the 21st Century» Deliveiy, Rome.
31. Young, I. 1990, *Justice and the Politics of Difference*, Princeton, 304 p.
32. Wagner, S., Powell, J. 2003, *Ethnisch-kulturelle Ungleichheit im deutschen Bildungssystem Zur Überrepräsentanz von Migrantenjünglichen an Sonderschulen*, Heidelberg, p. 183—208.
33. Stichs, A. Wie viele Muslime leben in Deutschland? *Federal Office for Migration and Refugees*, available at: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/WorkingPapers/wp71-zahl-muslime-deutschland.pdf?_blob=publicationFile (accessed 12.03.2017).

The authors

Prof. Yuri N. Gladkiy, Head of the Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University, Russia.

E-mail: Gladky43@rambler.ru

Prof. Igor Yu. Gladkiy, Associate Professor, Department of Physical Geography and Environmental Management, Herzen State Pedagogical University, Russia.

E-mail: Gladky68@rambler.ru

Konstantin Yu. Eidemiller, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Russia.

E-mail: keidemiller@gmail.com

To cite this article:

Gladkiy Yu. N., Gladkiy I. Yu., Eidemiller K. Yu. 2017, Islamic Diffusion in the Baltics: The Fruit of European Multiculturalism, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 43—62. doi: 10.5922/2074-9848-2017-3-3.